

40. Bulgakov M.A. *Sobranie sochineniy: v 8 t. T. 7* [Collected Works: in 8 vols. Vol. 7]. Moscow, 2007, p. 451.
41. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [The Semiosphere]. St. Petersburg, 2001, p. 124.
42. Kul'yus S. "Ezotericheskie" kody romana M. Bulgakova "Master i Margarita" (*eks-plitsitnoe i implitsitnoe v romane*) [Esoteric Codes in the M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" (Explication and Implication in the Novel)]. Tartu, 1998, pp. 112–118.
43. Yablokov E.A. *Khudozhestvennyy mir Mikhaila Bulgakova* [Art World of Mikhail Bulgakov]. Moscow, 2001, pp. 177–178.
44. Abraham P. *Roman "Master i Margarita" M.A. Bulgakova* [The M.A. Bulgakov's Novel "Master and Margarita"]. Brno, 1993, p. 170.
45. Abraham P. *Roman "Master i Margarita" M.A. Bulgakova* [The M.A. Bulgakov's Novel "Master and Margarita"]. Brno, 1993, p. 169, 172.
46. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [The Semiosphere]. St. Petersburg, 2001, p. 124.

Иваньшина Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета.

Научные интересы: русская литература, семиотика культуры, литература и медицина, творчество М.А. Булгакова, В.А. Каверина.

E-mail: sergiencou@yandex.ru

Ivanshina Elena A. – Doctor of Philology, associate professor. Professor at the Department of Theory, History and Methods of Teaching of the Russian Language, and Literature, Voronezh State Pedagogical University. Research interests: Russian literature, semiotics of culture, literature and medicine, the work of M.A. Bulgakov, V.A. Kaverin.

E-mail: sergiencou@yandex.ru

В. Зубарева
(Филадельфия, Пенсильвания, США)

**«Я УТАЮ И НЕ ПРЕДАМ ПЕРУ»:
тайна зеркальных дат в поэзии Беллы Ахмадулиной**

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена мистическому аспекту творчества Беллы Ахмадулиной. Символика дат в поэзии Ахмадулиной этого периода связана с вопросами судьбы ее лирической героини. Ее «загадочный цикл» «Глубокий обморок» проливает свет на связь между пушкинской датой рождения и страхами лирической героини, связанными с мыслями об уходе в один из этих дней. Ее предчувствия, терзания и поиск ответов в закодированной форме становятся объектом исследования данной статьи.

Ключевые слова: Ахмадулина; Пушкин; судьба; тайна тайн; дата смерти; «Глубокий обморок».

V. Zubarev (Philadelphia, PA, USA)

**“I will conceal and won't reveal to the quill”:
Regarding Mirror Dates in Bella Akhmadulina's Poetry**

Abstract. The article devoted to a mystical aspect of Bella Akhmadulina's poetry. The symbolism of dates used in her poems of that period is linked to the question of her lyrical heroine's fate. Akhmadulina's "mysterious cycle of poems", *A Dead Faint*, clearly suggests that there is a connection between Pushkin's date of birth and her lyrical heroine's fear of dying on that date. Her presentiments, anguish and search of answers become a subject of this analysis.

Key words: Akhmadulina; Pushkin; fate; mystery of mysteries; date of birth; *Deep Rest*.

Как ни удивительно, но, казалось бы, весьма отвлеченная поэзия Беллы Ахмадулиной всегда базируется на имплицитном сюжете, вокруг которого выстраиваются образы, как лепестки вокруг стебля. Сюжет играет роль организующего начала; по нему и только по нему можно понять связь деталей и увидеть стройность композиции и архитектоники больших форм, таких как объемный «загадочный», по ее же определению, цикл «Глубокий обморок», написанный по следам реального события – клинической смерти.

Мистика проникает в стихи этого периода, скрепляя свое присутствие рядом намеков и обмолвок, будто невзначай оброненных лирической героиней, которая, несомненно, автобиографична. Высказывание строится таким образом, что его первая часть зачастую противоречит второй, зарожая, тем самым, подозрение у читателя и заставляя усомниться в некоторых заявлениях лирической героини.

Как, впрочем, знать? В тех нетях,
где была я,
на что семь суток извели врачи,
нет никого. Там не было Булата.

Повелевает тайна тайн: молчи!

(«Глубокий обморок»: «I. В Боткинской больнице»¹). Далее, за исключением специально оговоренных случаев, цитаты приводятся по указанному изданию).

В первой части сделано заявление о том, что там «нет никого». Ссылка на Булата (Окуджаву), с которым Ахмадулина была дружна и который ушел из жизни за два года до ее клинической смерти, должна убедить читателя в истинности ее слов. И так бы и было, когда бы не последняя строка, переворачивающая все с ног на голову. Во-первых, становится ясно, что существует «тайна тайн»; во-вторых, о ней не положено знать читателю; в-третьих, между лирической героиней и тайной тайн есть контакт; в-четвертых, тайна тайн выступает в роли повелительницы; в-пятых, лирическая героиня все равно «проговаривается» о существовании того, что она отрицала поначалу, а значит, она обладает относительной свободой действий.

Прием умалчивания, недомолвок и противоречивых высказываний лежит в основе сюжета почти всех стихов Ахмадулиной из разряда «таинственных». Пространственно тайна располагается в сфере, недоступной мозгу как ограниченному и заикленному на себе инструменту тела, жаждущего познать себя в отрыве от грандиозности мироздания. Мозг – это нарцисс, преграждающий путь к тайне тайн, которая требует размыкания индивидуума на тварную вселенную.

Не так ли мозг вникает в образ мозга?
Ему внушаю: мученик Нарцисс,
превысить одиночество возможно:
забудь себя и сам себе не снись.

(«Глубокий обморок»: «XIII. Закрытие тетради»).

Тайна относится к сакраментальной сфере, где обитает Слово живое, и туда не проникнуть умом, который возносится в заумь:

И ум излишен, вознесенный в заумь:
предавшись ей, заблудший ученик
не сможет зоркий обмануть экзамен,
судьба вздохнет и «неуд» причинит.

(«Глубокий обморок». «XVII. Послание»).

Сама тайна никогда не раскрывается, но наличие ее декларируется: «Есть тайна у меня от чудного цветенья...». Построение сюжета этих стихов 1981 г. характерно и для более позднего периода «таинственных» стихов Ахмадулиной. В завязке указывается наличие тайны, развитие сюжета идет по пути непрямого доказательства присутствия тайны, кульминация – в столкновении мира социального и мира сакраментального, и развязка – торжество тайны. Тайна обнаруживает себя во взаимодействии с миром, но что она есть, остается в зоне неопределенности. Читателю

надлежит самому очертить область ее значений. «Но ландыш расцветет, / И я проговорюсь», – обещает в конце лирическая героиня, тем самым обозначая вектор движения мысли интерпретатора.

Стихотворение начинается с того, что «цветок себе всегда выпрашивает ять», и завершается союзом пчелы и цветка, а также упоминанием ландыша. Это обрамление высвечивает имплицитный уровень сюжета, соприкасающийся с сакраментальной сферой: в словесной вселенной «ять» обозначает Творца, и имплицитный сюжет направлен на то, чтобы раздобыть чудодейственный ять и воскресить сад русской словесности. До языковой реформы 1917–1918 гг. «цветок» писался через «ять»: цвѣток. Это, казалось бы, чисто орфографическое различие в написании, трактуется в стихотворении как подмена живого искусственным. Дальше – больше. Оказывается, что и природа не может обходиться без Ъ: увядая, живой цветок, не знающий «новостей», т.е. грамматических реформ, выпрашивает себе «ять», словно от этой буквы зависит его воскрешение.

Есть тайна у меня от чудного цветенья,
здесь было б: чуднАГО – уместней написать.
Не зная новостей, на старый лад желтея,
цветок себе всегда выпрашивает «ять».

Итак, конфликт обозначен уже в бутоне завязки стихотворения как несоответствие между тем, что цветок есть по своей (письменной) природе, и его новым портретом, представленным в современной орфографии. При этом намек на свойство «ять» воскрешать сделан довольно прозрачно. С Творцом связана и тема ландыша, который расцветает в мае. По христианской традиции этот месяц посвящен Марии, а народное название ландыша – «колокольчики Марии». По преданию, ландыш вырос из пролитых слез Богородицы, поэтому он ассоциируется с новой жизнью, возрождением и является символом второго пришествия Христа. В стихах празднику воскресения соответствует воскрешение «ять» усилиями пчелы как еще одной ипостаси Марии. Так, формируя ассоциативный ряд, очерченный полем сакраментальных значений, Ахмадулина выстраивает мозаику сюжета о воскресении, понимая под этим воскресение Слова-Логоса в литературе.

В «Глубоком обмороке» сюжет воскресения касается самой лирической героини, которая пробуждается от смерти для того, чтобы нести в мир Слово живое. Сюжет цикла выстраивается в зеркальном порядке по отношению к пушкинскому «Пророку», и уже это содержит в себе тайну. Намечу основные сюжетные линии этих произведений (детальный анализ этих параллелей представлен в моей статье «Промельк Пушкина»²). «Пророк» заканчивается тем, что поэт, умерщвленный серафимом, возвращается к жизни:

Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал <...>

(В дальнейшем стихотворение цитируется по этому изданию³).

«Глубокий обморок» начинается с того, что героиня приходит в себя

после клинической смерти. В обоих случаях пробуждение происходит при участии запредельных сил.

У Пушкина перед умерщвлением поэта серафим рассекает ему грудь, вытаскивает сердце и вкладывает пылающий «уголь». «В Боткинской больнице» метафорой «рассеченного» тела становится монитор, показывающий, что происходит внутри больного.

Перед тем, как рассечь грудь пророку, серафим касается его уст, заменяя грешное празднословие мудростью: «И он к устам моим приник, / И вырвал грешный мой язык...». Третье с конца преобразование у Пушкина становится третьим с начала преобразованием у Ахмадулиной: за картиной «рассеченного» компьютером тела следует описание «занятия уст». Им поначалу свойственны как обыденные «занятия» (принятие пищи, зевота), так и обывательское желание поделиться запредельной мудростью.

Занятие уст – то пища, то зевота.
Но им неимется, им препона есть
обмолвиться, как высший миг зовется:
стерпеть придется, но нельзя воспеть.

(«Глубокий обморок»: «I. В Боткинской больнице»).

Перед преобразованием речевой функции поэта серафим воздействует на его слух. «Моих ушей коснулся он, – / И их наполнил шум и звон». Аналогично, после темы праздных «уст» Ахмадулина переходит к описанию слуховых ощущений своей лирической героини. То, что она слышит, пробудившись, относится к сакраментальной сфере. До нее доносится голос тайны тайн, который слышит только она («Повелевает тайна тайн: молчи!»). Вслед за этим появляется «Отступление о Битове», построенное по типу музыкального произведения, что усиливает ракурс, связанный со слуховым восприятием.

В «Пророке» встреча с серафимом начинается с того, что он открывает лирическому герою глаза на духовное измерение:

Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.

Аналогом духовного измерения в цикле может служить следующий за звуковым описанием образ белизны, окружающий героиню в момент пробуждения: «Бел белый свет. Бела моя палата» (448). Этот образ является пограничным между зрительным и звуковым, поскольку он построен на звуковых ассоциациях. «Бел белый» звучит как «Беллы» и «бела», почти как «Белла». (Как известно, Ахмадулина любила, чтобы ее имя произносилось через «е», а не через «э».) «Белый голос в полночное время...», – писал Вознесенский в стихах, посвященных Белле Ахмадулиной, обыгрывая ее имя в неполном омониме. Выстраивая омонимические ряды, Ахмадулина вписывает себя в пространство палаты, объединившей признаки земного и небесного.

Встреча с серафимом в «Пророке» следует после странствий поэта по пустыне и до его окончательного пробуждения. У Ахмадулиной «серафим» появляется после пробуждения ее лирической героини в виде умозрительной ипостаси «шестидневья» и собирательного образа медперсонала, представленного в виде многокрылого светоносного существа: «Еще меня ласкала белостенность, // сновал на белых крыльях персонал» («III. Послесловие к I»).

Что же кроется за этим принципом зеркального отталкивания от пушкинского сюжета?

Ответ на этот вопрос дается в третьей части «Глубокого обморока»: «Как страшно близок День его рожденья!». Имеется в виду день рождения Пушкина, приближение которого почему-то пугает лирическую героиню. В пятом стихотворении этого же цикла смысл страхов проясняется:

В году родившись роковым,
не ведает младенец скромный,
что урожденья приговор –
близнец и спутник даты скорбной
(«V. Сюжет», 453).

Под близнецом и спутником «даты скорбной» подразумевается 1937 г. – 100-летие со дня гибели Пушкина. Это год, в котором родилась Ахмадулина. В стихотворении фигурирует также и месяц ее рождения («Его созвездье – кроткий Овен»), что подчеркивает автобиографичность ее лирической героини. 1937 г., печально известный как «роковой» из-за небывалого масштаба репрессий и жестокостей, стал «черной речкой» для многих. Зверства тридцать седьмого поставлены в цикле в прямую зависимость от кровавого года-«близнеца»:

Не все ли сделались мертвы,
не все ли разом овдовели,
пока справлял разбой молвы
столетний юбилей Дуэли?
(«V. Сюжет»).

В сакраментальном пространстве всевременья смерть Пушкина и рождение лирической героини Ахмадулиной образуют единый «сюжет»: «юбилей Дуэли» «приговаривает» к рождению лирическую героиню, чья судьба находится в зеркальной зависимости от судьбы Пушкина. Мысль об этом проскальзывает и в более ранних стихах Ахмадулиной. Например, в стихотворении «Игры и шалости» (1981), обращенном к Пушкину, она вопрошает: «В какой союз мы тайный сведены?». И вопрос этот касается не только творческих пересечений, но и отраженности судеб. Итог этой отраженности видится ей в дате ее ухода:

Коль рождена в году Его посмертья скорбном,
двухсотый с чем придет Его рожденья год?
(«XVI. Пред-проводы елки», 472).

Именно поэтому пред-проводы елки в шестнадцатом стихотворении «Глубокого обморока» оборачиваются пред-проводами себя: 1999-й уже не за горами, близится 200-летие со дня рождения того, с кем она так глубоко связана. Это проясняет, почему «сглаз ворожей» в первой части цикла подверг разум лирической героини «неодолимой порче» («Неодолимой порче / подверг мой разум сглаз ворожей»: пушкинская ворожея одновременно есть и ее ворожея. Но обращаться к ворожеям – грех. Поэтому сразу же за упоминанием ворожеи следует намек на молитву Сирина как пушкинский совет героине, на *что* следует направить помыслы для обретения душевного покоя и духовных сил, т.е. на покаяние. И если пушкинский «Пророк» завершается призывом идти вон из пустыни, то «Глубокий обморок» заканчивается уходом лирической героини вовнутрь. Эта формула ухода является финальной в цикле, и выражена она довольно лаконично: «Пишу – себе». На этом Ахмадулина ставит точку. Но только в цикле.

Мистический сюжет зеркальности судеб двух поэтов находит свое дальнейшее развитие в стихах 2000 г. Ряд стихотворений этого периода построен на имплицитном сюжете рождения-смерти, прочесть который можно только вкуче с «Глубоким обмороком». Дата написания этих стихов, иногда вынесенная за пределы текста, а иногда включенная в него, становится той фокальной точкой, из которой разворачивается имплицитный сюжет ожидания ухода. В стихах «Отсутствие черемухи» читаем:

На этот раз лиловые соцветья
угрюмо-скрытны, явно не к добру.
Предчувствия и опасенья эти
я утаю и не предам перу.

Стихи написаны за неделю до пушкинской годовщины, и внутренний сюжет выстраивается вокруг распознавания «симптомов» возможного ухода и «утаивания» их от пера, поскольку перо имеет силу волшебной палочки, делающей слово живым. За этими стихами следует «Скончание сирени» (30–31 мая, 2000 г.), где продолжен мотив боязни скорого ухода. Подавленность лирической героини, вписавшей себя в холст Врубеля «Сирень», где прекрасная и таинственная темноволосая женщина чем-то напоминает Ахмадулину, может показаться беспочвенной. Но это лишь для того, кто не читает подтекста даты.

Лиловый цвет претерпевает убыль.
Я сумрачна не мене, чем сирень.
Коль в наш сюжет больной
вмешался Врубель,
пусть это будет нас троих секрет.

Всеобщий май стал для сирени – осень,
июнь ее зимою осенит (377–378).

Эпитет «больной», относящийся в равной степени к «сюжету» и Врубелю, страдавшему душевной болезнью, вводит тему помешательства. В

этом состоянии героиня то ли бредит, то ли слегка «проговаривается» о тайне, связывающей их троих. О сути этой тайны мы уже догадываемся. Строка «июнь ее зимою осенит» является одновременно метафорой увядания сирени и зловещим предзнаменованием. В этой формуле оборотничества месяц рождения Поэта становится месяцем смерти цветка, чья «зима» протягивает нить к месяцу гибели Пушкина. В конце стихотворения Ахмадулина, как всегда, чуть приоткрывает завесу, указывая на то, что увядание сирени не просто описание природных процессов и не только абстрактная аллегория жизни и смерти, а конкретный «намек на...»:

Скончание сирени – неужели
намек на... Грянул осерчавший Зевс.
Я принимаю предостереженья
и понимаю: место точки – здесь (379).

Появление Зевса в осерчавших небесах не есть знак язычества, но еще один «намек на» Пушкина, его образную систему. Точно таким же намеком на Пушкина становится образ Пана в «Отсутствии черемухи»:

Привыкла я, черемуху оплавав,
лелеять, холить и хвалить сирень.
Был цвет ее уму и зренью лаком;
как мглисто Пана ворожит свирель! (376).

Как известно, Пушкин рисовал себя приемником свирели Пана. В своем раннем стихотворении «Батюшкову» (1815) он выводит образ Пана как своего покровителя:

Веселый сын Эрмия
Ребенка полюбил,
В дни резвости златые
Мне дудку подарил.
Знакомась с нею рано,
Дудил я непрестанно;
Нескладно хоть играл,
Но Музам не скучал⁴.

В еще более раннем стихотворении «Блаженство» (1814) Пан дает наставление молодому поэту:

«Слушай, юноша любезный,
Вот тебе совет полезный:
Миг блаженства век лови;
Помни дружбы наставленья:
Без вина здесь нет веселья,
Нет и счастья без любви ...»⁵.

Тема свирели как намек на покровительство Пана звучит и в более позднем стихотворении «Аделе» (1822), заканчивающемся следующими

строчками:

И в шуме света
Люби, Адель,
Мою свирель⁶.

В поэзии Ахмадулиной разных лет образ Пана сближен с образом Пушкина. Например, в четырнадцатом стихотворении «Глубокого обморока» читаем о Пана:

Достанет и для греков, и для римлян
улады дивной: любоваться им.
Он вырастет веселым, пышногривым,
его возлюбят хороводы нимф.
Возглавившему свиту Диониса
дано – дразнить, швырять дары щедрот.
Дразнить – смешно,
опасно – додразниться:
ни там, ни здесь не спит Амур-Эрот.

(«XIV. Невольные прегрешения в ночь на 25 декабря», 468).

Сравним это описание Пана с описанием Пушкина из ее «Маленькой поэмы о Пушкине»:

Каков? – Таков: как в Африке, курчав
и рус, как здесь, где вы и я, где север.
Когда влюблен – опасен, зол в речах.
Когда весна – хмур, нездоров, рассеян.

Ужасен, если оскорблен. Ревнив.
Рожден в Москве. Истоки крови – родом
из чуждых пекл, где закипает Нил.
Пульс – бешеный. Куда там нильским водам!

Гневить не следует: настигнет и убьет.
Когда разгневан – страшно смугл и бледен⁷.
(«Маленькая поэма о Пушкине»)

«Курчав» один и «пышногрив» другой; оба всегда в окружении поклонниц; обоих отличает вспыльчивость. Наконец, оба страдают, полюбив, и возлюбленная становится свирелью их вдохновения. Мотив псевдокончины Пана (по некоторым мифам, весть о кончине считается ошибочным известием) обыгрывается у Ахмадулиной сходным мотивом псевдокончины Пушкина, прозвучавшим еще в «Приключении в антикварном магазине» (1964):

Но я утешен мнением молвы,
что все-таки убит он на дуэли.

– Он не убит, а вы мне надоели, –
сказала я, – хоть не виновны вы (609).

Весь этот опыт художественно-ассоциативного сближения образов двух певцов в поэзии Ахмадулиной разных лет помогает понять, о чем, а точнее, о ком речь в этих «цветочных» стихотворениях.

В ночь на 6 июня завершены стихи «Пуговица в китайской чашке», писавшиеся три дня («3 – в ночь на 6 июня 2000 года»). В них уже дата становится частью поэтического текста, его знаменем, окрашивающим каждую деталь в пушкинскую гамму.

Июня третий день, субботний,
ушел на жалкую борьбу
с вещницей, ставшею свободной.
Но и перо я зря беру.
Пустует лоб, слабеет локоть,
до воскресенья – пять минут.
Успеет ли пера неловкость
нелегкость спешки обмануть?

Нет, времени сбылась идея:
столкнулись лбами тьма и тьма,
и неудача рукоделья
равна изделию ума (380).

В «пушкинском» контексте пуговица – главная героиня стихотворения – это, возможно, та самая пушкинская пуговица, отсутствие которой на фраке поэта заметил при встрече с ним на Невском некий Николай Колмаков, студент Петербургского университета. Из этого наблюдения он сделал вывод о том, что за Пушкиным плохо смотрят. Теперь пуговица «отыскалась» в китайской чашке лирической героини накануне празднования дня рождения Пушкина. Не знак ли это того, что пуговица будет вскоре возвращена ее хозяину лично ею? Слова «знамень», «роковой», «вещий приговор», «намек» очерчивают границы фатальности, связанной с зеркальностью дат, прорстающих как «времени идея».

Знамень в том, что ровно полночь –
час заповедный, роковой.
Чем искупить и чем восполнить
мгновенья вещий приговор?

Долг пуговицы – весть разлада
меж всем. Ее побег – намек
на резвость моего таланта,
пустившегося наутек.

Талант, пустившийся «наутек», – это метафора страха лирической героини-Поэта перед «знаменем» пуговицы, обнаруженной в «заповедный, роковой» час. Поэт не должен «предать перу» свои тревоги в полной мере,

дабы они не сбылись. В этом смысле он «пускается наутек». Пока все эти «свидетельства» обитают в области догадок, они нестрашны и выступают лишь как черновик судьбы. Намеренно не воплощая версию своей судьбы в слове, лирическая героиня-поэт, тем самым, противостоит ее (судьбы) реализации.

Тому есть несколько свидетельств,
еще вчерне, не наяву.
На этом пуговицы действий
я перечень остановлю.

В нем – тени тайн, обмолвок блики... (381).

Любопытно окончание этих стихов:

На созерцателя прищипну,
заветному предамся дню
и года новенькую цифру
нулей триадой удлиню.

«Триада нулей» как незримое присутствие Троицы в символике 2000 г. («ноль» как неизреченность) выступает тайной защитой и гарантией против расчетов мозга. Об одном из таких расчетов-просчетов Ахмадулина пишет в очерке о посещении дома-музея Пушкина в Михайловском, когда предчувствия «встречи» с Пушкиным одолевали ее: «Приняв страстное заблуждение мозга за острое совершенного расчета, я могущественно нацелила его на ясные черты статуи и тут же поняла, что промахнулась, как человек, поцеловавший пустоту»⁸.

Излюбленное Ахмадулиной противопоставление «мозг – сердце», где мозг непременно просчитывается, дано здесь с заметной долей иронии, направленной на «неудачника».

И, тем не менее, предчувствия ее сбылись и желанная «встреча» состоялась именно в тот день, только совершенно не так и не там.

«Но постепенно мои нервы опять сосредоточились на нем, и влияние его парка мучительно управляло мной, как сильный взгляд в спину, придающий движениям скованность и нетрезвость. Я тупо и ловко пробивалась вперед, сквозь оранжевую мощь заходящего солнца, обезумев от сильного предчувствия, заострившись телом и помертвев, как пес, прервавший слух и зрение, чтобы не мешать ноздрям вдохнуть короткую боль искомого запаха. И вот, острым провидением лопаток, я уловила тонкий сигнал привета, заботливо обращенный ко мне»⁹.

Как видим, сюжет судьбы выстраивается последовательно и неуклонно в произведениях Ахмадулиной разных периодов и жанров, наращивая крещендо и достигая фортиссимо в «Глубоком обмороке» и следующих за ним стихами. Основой сюжета неизменно являются зеркальные даты. Его участники – желающий все просчитать мозг («Признается последняя обмолвка: / как ни таись, герой сюжета – мозг») и тайна тайн, а разрешение конфликта – это всегда просчет мозга, который нарциссически заиклен

на себе и не вхож в сферы таинства:

Что он проник в запретной бездны пропасть –
пусть полагает храбрый космонавт.

(«Глубокий обморок»: «III. Послесловие к I»).

Послесловие: немного мистики

Как известно, ни юбилейный год рождения Пушкина, ни следующий за ним 2000 г. не стали датой смерти Ахмадулиной, как она (или ее лирическая героиня) этого опасалась. Она ушла одиннадцать лет спустя, и ни месяц, ни год ее ухода не намекали на связь с пушкинским днем рождения. Что же касается числа, то даже напротив: словно вопреки ее модели зеркальности, число 29 (она умерла 29 ноября) совпадает с датой гибели Пушкина по старому стилю (тоже 29-го, только января).

И все же...

Пушкин погиб в 37 лет, не дожив почти трех месяцев до своего тридцати восьмилетия. Ахмадулина умерла в 73 года, не дожив почти четырех с половиной месяцев до своего семидесяти четырехлетия. 37 и 73. Зеркальные даты. Совпадение? Знак?

¹ Ахмадулина Б. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2012. С. 448.

² Зубарева В. Промельк Пушкина // *Prosōdia*. 2015. № 2. Весна – лето.

³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3. Кн. 1. М.; Л., 1948. С. 30–31.

⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л., 1977. С. 100.

⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л., 1977. С. 56.

⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 2. Кн. 1. М.; Л., 1947. С. 275.

⁷ Ахмадулина Б. Избранное. М., 1988. С. 178.

⁸ Ахмадулина Б. Вечное присутствие // Ахмадулина Б. Зимняя замкнутость. СПб., 1999. С. 102.

⁹ Ахмадулина Б. Вечное присутствие // Ахмадулина Б. Зимняя замкнутость. СПб., 1999. С. 108.

References

1. Akhmadulina B. *Polnoe sobranie sochineniy v odnom tome* [Complete Works in One Volume]. Moscow, 2012, p. 448.
2. Zubareva V. *Promel'k Pushkina* [Glimpse of Pushkin]. *Prosōdia*, 2015, no. 2, Spring – Summer.
3. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 t. T. 3. Kn. 1* [Complete Works: in 16 vols. Vol. 3. Book 1]. Moscow; Leningrad, 1948, pp. 30–31.
4. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t. T. 1* [Complete Works: in 10 vols. Vol. 1]. Leningrad, 1977, p. 100.
5. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t. T. 1* [Complete Works: in 10 vols. Vol. 1]. Leningrad, 1977, p. 56.
6. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 t. T. 3. Kn. 1* [Complete Works:

in 16 vols. Vol. 2. Book 1]. Moscow; Leningrad, 1947, p. 275.

7. Akhmadulina B. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, 1988, p. 178.

8. Akhmadulina B. *Vechnoe prisutstvie* [Eternal Presence], in: Akhmadulina B. *Zimnyaya zamknutost'* [Winter Seclusion]. St. Petersburg, 1999, p. 102.

9. Akhmadulina B. *Vechnoe prisutstvie* [Eternal Presence], in: Akhmadulina B. *Zimnyaya zamknutost'* [Winter Seclusion]. St. Petersburg, 1999, p. 108.

Зубарева Вера – Ph.D., преподаватель Пенсильванского университета (Филадельфия, Пенсильвания, США).

Круг научных интересов: холистический анализ, теория драматических жанров, драматургия Чехова, искусство принятия решений (в литературе, кино и шахматах).

E-mail: vera@ulita.net

Zubarev Vera – Ph.D., adjunct lecturer at the University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA).

Research interests: holicistic analysis, theory of dramatic genres, Chekhov's dramaturgy, art of decision-making (in literature, films and chess).

E-mail: vera@ulita.net

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ Foreign Literature

А.В. Марков (Москва)

РОЖДЕНИЕ РОМАНТИЧЕСКОГО ВОООБРАЖЕНИЯ ИЗ ДУХА ГРЕЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуются дискурсивные парадоксы греческого Просвещения, стремившегося соединить достижения Европейского Просвещения с более консервативными установками греческого общества. Это привело к замене рациональной аргументации частными аргументациями различных наук, тогда как общим знаменателем этих частных аргументаций выступило воображение. Доказывается, что радикализм греческого Просвещения предвосхитил новый статус воображения в романтической литературе, и изучение наследия греческого Просвещения помогает понять сочетание радикальных и консервативных элементов в романном нарративе романтической эпохи.

Ключевые слова: Просвещение; историческая поэтика романа; научная аргументация; воображение; воображаемое.

A.V. Markov (Moscow)

The Birth of Romantic Imagination from the Spirit of Greek Enlightenment

Abstract. The article investigates discursive collisions of the Greek Enlightenment, in its attempt to compile achievements of European intellectual life and local conservative habits. The rational argumentation was oppressed with particular argumentations of different sciences and humanities, with the imagination as rationale. Radical intentions of the Greek Enlightenment proposed the Romantic state of imagination, and studies in Greek Enlightenment and its European influence allows us to understand better juxtapositions of traditional and modernization elements of the romance writing culture.

Key words: Enlightenment; historical poetics of the novel; argumentation in sciences and humanities; imagination; imaginative.

Романтическое воображение – одна из самых изученных страниц истории воображения: смещение и подрыв готовых статусов сюжетов, образов, общих мест и речевых жанров работало на новую культуру воображения, достраивающего свои объекты, а не интерпретирующего их. При этом менялось и значение науки в ходе кризиса просветительского проекта: обучение искусству «по книгам», которого требовала Энциклопедия и которое переросло в культуру инструкций и руководств, сменилось пониманием искусства как того воображаемого поля, той проекции на единый экран знакомых и незнакомых образов, которая только и может примирить различные особенности и моменты этих инструкций. В них неизбежно накапливаются свои, обусловленные теми самыми особенностями выражения, которые романтизм и превознесет как «дух языка», и оказывается необходимым всякий раз обращаться к